

Лев Вяткин

Дочь Шалапина Ирина Фёдоровна даже небольшой эпизод из жизни отца умела превратить в талантливую зарисовку. Слушателям казалось, что они слышат шалапинский голос и раскатистый смех, видят его мимику и жесты. Вот один из таких рассказов.

поводом послужил включённый на несколько минут телевизор, который она недолюбливала и ворчливо называла "врагом чтения и бесед". На экране (действие происходило в 1961 году) появился известный композитор Дмитрий Покрасс, бывший в те годы на вершине популярности. Он очень эмоционально говорил о своих

Ирина Фёдоровна вспоминает.

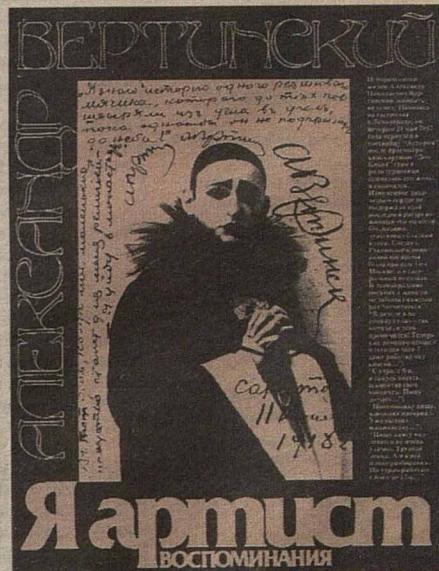
смущение, и поношенный, взятый напрокат фрак, и непокорную густую шевелюру... Одним словом, папа в артистах умел быстро разбираться. "Сердитки" с его лица исчезли.

— Да, коллега, форте здесь для Вертинского едва ли уместно. Вы давно концертируете?

Покрасс хихикнул, как гимназист, прикрыв рот ладошкой:

— Что вы, Фёдор Иванович, я временно. Настоящий аккомпаниатор папечки вывихнул, вот меня и пригласили.

Видимо, папе этот юнец всё больше нравился. Голос его обрёл бархатистость — верный признак, что к нему возвращается хорошее настроение. Некоторое время он ещё изучал Покрасса, потом, увидев, что по коридору идут спешащие на сцену люди, по-при-

Озорство за кулисами

Алора вит - 2002 (МЧК) Нааб - С 20 - 21

песнях, иллюстрируя сказанное пением и игрой на рояле. Белоснежная, но ещё густая шевелюра его разведалась в такт песни.

Я мимоходом заметил, что музыкальная карьера Покрасса началась ещё в Первой конной в Гражданскую войну с "Марша Будённого". Ирина Фёдоровна мягко возразила:

— Пожалуй, чуточку пораньше. В шестнадцатом году он был аккомпаниатором у Сашеньки Вертинского. Папочка, помнится, изрядно подшутил над обоими. Вертинский тогда входил в моду и выступал с "аризтками", звучащими в его исполнении мечтательно и томно. Молодой Покрасс ему аккомпанировал в сольных концертах в рестораниках и на летней эстраде, — продолжала Ирина Фёдоровна.

На сцену Вертинский выходил в костюме Пьеро, с набелённым лицом, с заломленной бровью и подведёнными гримом глазами, отчего казалось, что они излучают фиолетовый свет. Публика, особенно молодёжь, его обожала...

На один из концертов Вертинский пригласил Фёдора Ивановича, а я, узнав об этом, уговорила взять и меня. Приехали мы перед самым началом. Появление Шалапина было встречено гулом одобрения. Папа поспешил на место, как вдруг появившийся откуда-то толстый господин в визитке и с холёными усами, после рукопожатия, привстав на носочки, ловко облобызал отца. К мужским поцелуям или "чмоканиям", как называл их папа, он относился неприязненно. Я тихонько спросила: "Кто это?" "А чёрт его знает, —

пробурчал папа, — столоначальник и театрал, наверное".

Он достал из кармана платок, демонстративно и раздосадованно обтерся. Ох, как я боялась его, когда он был не в духе, не приведи Господь! Я вся сжалась и боялась даже посмотреть в его сторону. Думаю: "Только бы не ушёл с концерта..."

Тут занавес дрогнул и раздался, открыв небольшую сцену с белым роялем. Вышел Пьеро-Вертинский, и концерт начался. Папа шумно вздыхал и, как я чувствовала, долго не мог сосредоточиться на пении Вертинского. После первого отделения он быстро встал, пропустил меня вперёд и приказал идти к Вертинскому.

В узком и длинном коридоре нам преградил дорогу будто выросший из-под земли аккомпаниатор Дмитрий Покрасс. Смущаясь и краснея, он представился и срывающимся от волнения голосом обратился с вопросом:

— Фёдор Иванович, аккомпанирую я не очень громко?

Папа с высоты своего огромного роста, хмурясь, уставился на совсем юного и щуплого музыканта, увидел и его

ягельски обнял его, давая одновременно проход и отвечая на приветствия. Покрасс от такой близости весь светился.

— Вертинский — поэт, вы — музыкант, — менторским тоном говорил папа, — вам после каждой строфы Вертинского следует проигрывать эдакое лёгкое арпеджио. — И папа рукой, одними пальцами, показал какое. — А куплет заканчивать каденцией в соот-

ветствующей тональности. Надо дать возможность певцу перевести дыхание.

Покрасс, часто моргая, соглашался охотно:

— Понимаю, Фёдор Иванович! Спасибо за совет, Фёдор Иванович!

КОГДА МЫ ВНОВЬ ЗАНЯЛИ СВОИ МЕСТА, я обратила внимание на резкую смену настроения у папы. Он скрестил руки на груди, улыбался, и при этом голубые глаза его странно и озорно блестели. Корпусом он подался вперёд, выражая нетерпение и интерес к тому, что будет происходить на сцене...

Вертинский, освещённый огнями рампы снизу, был фантастичен и загадочен. Он протянул вперёд руку и едва уловимым жестом дал понять залу, что перед ним молодая красивая женщина. Сильно грассируя и изобразив на лице лёгкую меланхолию, он начал:

— Ваши пальцы пахнут ладаном...

Раскрыл рот, чтобы пропеть далее, и вдруг услышал, как его аккомпаниатор легонько прошелестел по клавишам: "Трям, трям, трям". Вертинский вздрогнул от неожиданно насмешливой импровизации.

— И в ресницах спит печаль, — рецитативом продолжил строфу. Со стороны аккомпаниатора немедленно и уверенно последовало: "Трим-та-та, трим-та-та, трим-та-та!" Даже сквозь обильный грим было видно, как побледнел Вертинский. Он поправил белоснежный воротник-жабо, сделал глотательное движение и продолжал:

— Ничего теперь не надо Вам, — и

Архив

Д. Покрасс доволен.

замер в ожидании и со страхом. Покрасс его "понял", тряхнул головой и стремительно побежал пальцами по клавишам, на одном дыхании, в одной лигатуре проиграв невероятную по сложности каденцию.

— Ничего теперь не жаль.

Покрасс нажал педаль, прибавил звука и вдохновенно доиграл: "Трям, трям!" Папа, прикрыв ладонью глаза, трясся в беззвучном смехе. В зале уже начали понимать, что на сцене не всё соответствует режиссуре. Кто-то громко хихикнул.

Вертинский оборвал пение и громко сказал: "Занавес!" Только спустя некоторое время зал весело и громко зааплодировал. Дав волю прорвавшемуся смеху, папа грохотал: "Ха, ха, ха. Хо, хо, хо!" — и с трудом, обессиленный от смеха, поднялся с кресла: "Пойду выручать коллегу!" — скорым шагом удалился.

А за занавесом между тем Вертинский в гневе тряс за крахмальную манишку перепуганного Покрасса:

— Жидовская могада... Пгофанировать святое искусство! Дайте гевольвер, я его пгистгелю!..

Папа подоспел вовремя. Легко встал между ними, растащил в разные стороны.

— Иди, тебя вызывают на бис, — перешёл вдруг на "ты" папа.

За руку он вывел Вертинского на авансцену. Зал рукоплескал. Папа отступил в сторону и тоже стал аплодировать, сказал в зал: "Восходящей звезде, большому, замечательному русскому артисту — наша признательность!"

Публика долго не отпускала со сцены Вертинского, по его лицу текли обильные слёзы...

Вертинский после этого концерта стал знаменит.

ПОКРАССА ОН ВСЁ ЖЕ УВОЛИЛ. О ЧЁМ стало известно через несколько дней и что искренне огорчило папу.

"Надо бы подыскать Покрассику новое место. Не пропадать же из-за меня хорошему музыканту", — говорил он, названивая в дирекцию императорского театра. Работу он подыскал, как мне помнится. Через несколько дней пришёл Дмитрий Покрасс при роскошном галстуке и белых манжетах. Его для разговора пригласил папа. Усадил в мягкое кресло, предложил гаванскую сигару. Заломив бровь и поглаживая раздумчиво подбородок, папа прикидывал, по какому руслу пустить разговор.

— Извини, брат, что так получилось. Видит Бог, я не хотел тебе зла. Музыкант ты превосходный, такие, понимаешь, арабески играть можешь — Лист позавидует!

— И вы меня извините, Фёдор Иванович.

— За что? — искренне удивился папа.

Покрасс кашлянул в кулачок и расплылся в озорной улыбке:

— Я ведь сразу догадался, что по части аккомпанемента вы меня разыгрываете, но не подал виду. Теперь в Петрограде только и разговоров, что обо мне, о вас, Фёдор Иванович, и Вертинском. Каждый день богатые господа возят меня по дорогим ресторанам, просят рассказать о шутке Шаляпина... Работу я уже нашёл — буду руководить оркестром железнодорожников.

Папа понял, что всё разрешилось наилучшим образом, пострадавших больше нет, и, весьма довольный, проворковал:

— Вот видишь, брат, с Шаляпиным не пропадёшь!

Ничего
пофани-
вать а фадилу.
а вот обидно.

Вот как напыхал
скирдаст ваданно какас
мисер!

TELEPHONE:
CENTRAL 9880.

Рис. Ф. Шаляпина
в письме к дочери.